

множества уровней, интенсивностей, градаций в степени одушевленности, то делёзовская концепция синтеза времени приводит к еще более радикальным следствиям: если непрерывность внутреннего времени есть результат синтеза, то речь идет уже не об одном, а о многих синтезах и, следовательно, о многих душах, многих сознаниях внутри одного субъекта. Классический трансцендентальный субъект теперь обнаруживается как рассыпавшийся на тысячи субъектов пассивного синтеза. Делёз назвал их «личинками субъекта», полагая, что «следует придать душу сердцу, мышцам, нервам, клеткам»¹¹. Речь, таким образом, ведется уже не просто об «уровнях», «стратах» и градациях в едином потоке одушевленности, но о кишении множества маленьких душ – сингулярностей, монад – внутри каждого из этих уровней.

Традицию, в которой первичным качеством одушевленного считаются внутреннее единство и связность потока времени («интенсивное время», или «время-длительность»), мы рассмотрели как альтернативу классической концепции. В рамках этой традиции сфера одушевленного не локализуется и не обособляется от неодушевленных компонентов онтологии. Одушевленность и неодушевленность здесь можно считать лишь «градиентами», различающимися только направленностью и степенью интенсивности потока – прежде всего потока времени. Это качество допускает множество градаций от «максимума» (сознание) до «минимума» (материя). В концепции синтеза времени Ж. Делёза совершается переход к своеобразной

«новой монадологии». Многообразие «синтезов времени» сопрягается с картиной кишения и роения множества более или менее смутных сознаний, душ, «монад» («личинок субъекта», по Ж. Делёзу) на всех уровнях реальности, поэтому в рамках рассмотренной концепции представляется допустимым проводить параллель с древнейшей идеей панпсихизма и усматривать тенденцию возникновения «неоанимистических» онтологий.

Примечания

- ¹ Бергсон А. Материя и память : собр. соч. : в 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 247.
- ² Делёз Ж. Бергсонизм // Делёз Ж. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С.130.
- ³ Бергсон А. Материя и память. С. 255–256.
- ⁴ Там же. С. 256.
- ⁵ Делёз Ж. Бергсонизм. С. 151.
- ⁶ Бергсон А. Материя и память. С. 300.
- ⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. // Гуссерль Э. Избранные работы : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 143.
- ⁸ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 86.
- ⁹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 99.
- ¹⁰ Приводится по: Дуплинская Ю. М. «Синтез времени» и «фасеточная личность» // Топос : литературно-философский журнал, [Электронный ресурс]. URL: / http://www.topos.ru/article/7103/printed (дата обращения: 02.02.2011).
- ¹¹ Делёз Ж. Различие и повторение. С. 99.

УДК 316,3: 1

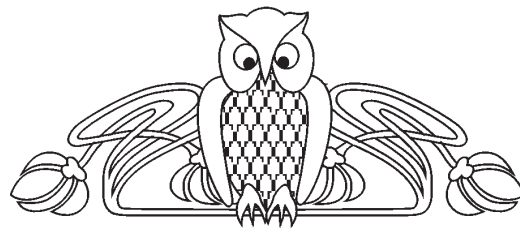
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТКНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. С. Шаповалова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: natalia.shapovalova87@yandex.ru

Статья посвящена исследованию социальной памяти в посткнижной культуре. Подчеркивается, что с развитием информационно-коммуникационных технологий происходит усложнение пространства памяти: к имеющимся структурам добавляются иные формы «представленности» знаний о прошлом, что приводит к формированию многогранного и нелинейного пространства.

Ключевые слова: социальная память, посткнижная культура, гипертекст, нелинейность, фрагментарность, виртуализация памяти, электронное пространство социальной памяти, корпоративная культура памяти, корпоративная память.

Social Memory in Postbook Culture

N. S. Shapovalova

The article devoted to exploration social memory in postbook culture. Underlines that with the development of information and communication technology occurs complication of memory space: to existing structures are added other forms of representation of knowledge about the past, what leads to formation the multi-faceted and non-linear space.

Key words: social memory, postbook culture, hypertext, nonlinearity, fragmentation, memory virtualization, electronic space of social memory, corporate culture of memory, corporate memory.

Современная культура связана с эпохой бурного развития информационных и компьютерных технологий, глобальной сети Интернет. Радикальные изменения затрагивают различные области жизнедеятельности общества. Эти процессы не только проявляются на «поверхности», но и захватывают и видоизменяют глубинные основы социума: трансформируются формы и способы подачи и восприятия информации, что, безусловно, отражается и на социальной памяти. Общество вступает в эпоху посткнижной культуры, для которой характерен переход от текстовой структуры информации к электронной. Привычная текстовая структура ресурсных полей в памяти заменяется электронно-информационными полями, в связи с чем происходят многочисленные изменения в структуре и формах сохранения культурного наследия прошлого.

В современном обществе информация и знание выступают главной ценностью. Создаются условия, которые удовлетворяют потребностям каждого человека в получении им необходимой информации, созданию и распространению которой способствуют новейшие технологии. Доступность информации предполагает возможность приобщения любого субъекта к воспоминаниям и представлениям о прошлом. Если в традиционном обществе знания предков носили закрытый характер – накапливались, хранились, передавались в рамках одной касты, сословия от поколения к поколению, – то в постиндустриальной цивилизации знания, составляющие содержание социальной памяти, приобретают массовый характер. Информация, в буквальном смысле «обрушивающаяся» на современного человека, превращая его в «ретранслятор сообщений», носит хаотичный, несистематизированный и избыточный характер. Субъект в таком «потоке» сообщений не успевает анализировать их смысл. Поэтому современному человеку свойственно «клиповое» мировоззрение, «мозаичное», или «клиповое» мышление, отсутствие целостного видения мира. Такие свойства сознания и мышления являются защитной реакцией на поток и избыточность информации и смыслов.

Избыточность информации отражается на социально-коллективной памяти, содержание которой, по нашему мнению, становится неоднородным и многогранным. Информационные потоки, лишённые централизованного управления и иерархичной организованности, приводят к отсутствию в структуре памяти приоритетной идеи или смысла, результатом чего становится децентрализованный характер ее содержания. Субъект, имея доступ к любой информации и, следовательно, к различным представлениям и репрезентациям прошлого, может быть дезориентирован.

Компьютерная революция постепенно ведет к замене печатных книг их электронными вариантами. Становление посткнижной культуры и

развитие электронных носителей информационных процессов нарушает привычную текстовую структуру ресурсных полей памяти и изменяет статус печатного текста. «Широкомасштабное производство информации в “электронной оболочке” изменяет механизм работы с текстовыми источниками в музеях, архивах, библиотеках»¹. Образуется *электронное пространство социальной памяти*.

На смену одномерному тексту печатной книги приходит многомерный электронный гипертекст, важнейшими свойствами которого являются нелинейность, незавершенность, фрагментарность, открытость, интерактивность, мультимедийность. Гипертекст есть «такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты»². Формируется иная культура восприятия информации. Многочисленные ссылки, вплетенные в ткань электронных текстов, обеспечивают нелинейное представление структуры последнего, что открывает возможность выбора и самостоятельного конструирования текстового пространства. Мы считаем, что, в соответствии с культурой восприятия информации, пространство памяти становится *нелинейным и фрагментарным*.

Гипертекст является способом коммуникации в обществе, направленном на множественные потоки информации. В такой форме подачи информации отсутствует строгая иерархия и прежняя линейность книжного текста. Читатель сам устанавливает связи между частями гипертекста и посредством гиперссылки сам складывает и создает свой гипертекст, что предполагает «смерть автора» и «рождение активного читателя». Бесспорно, в таких условиях формируется иная культура восприятия и преобразования информации. По нашему мнению, зависимость от читателя структуры и даже смысла текста определяет иначе суть социальной памяти, которую наиболее полно раскрывает понятие *конструктивизма*, подчеркивающее отсутствие субстанциального начала и постоянное изменение в соответствии с потребностями субъектов. Конструктивизм в традиционных обществах противостоит пониманию и представлению о памяти в качестве объективно существующего знания, определяющего поведение индивида.

Современные преобразования в области информационных технологий увеличивают возможность архивирования данных социального опыта на внешних носителях (в виртуальном пространстве «сети знаний» или «памяти мира»). В дописьменном обществе сохранение социальных знаний, информации осуществлялось посредством живой памяти людей, поэтому много времени и умствен-

ной энергии тратилось на запоминание и частое повторение. С. Вебер, отмечая положительные стороны информационных преобразований, пишет, что современные технологии, предоставляя независимое от нашей памяти «хранилище», очищают (освобождают) ее и высвобождают творческий потенциал человека³. Таким образом, современные информационно-коммуникационные технологии качественно меняют систему накопления, хранения, воспроизведения и распространения информации.

В современном обществе *пространство социальной памяти виртуализируется*, становится независимым по отношению к физическому пространству, следствием чего является отсутствие институциональной «представленности» современного типа социальной памяти в истории. Безусловно, уменьшение взаимосвязи с физическим пространством мало сказывается на пространственности самой социальной памяти. Однако стремительная изменчивость, неустойчивость, непостоянство характерны для современной информационной структуры и бесследное, безвозвратное удаление электронного варианта знаний отражается на пространстве социальной памяти не в лучшую сторону. А. Ассман, исследуя феномен дематериализации информации, отмечает, что с материальностью артефактов исчезает гораздо больше, чем просто таинственная аура – с нею исчезают реальность, история и память⁴. Кроме того, внедрение все новых и новых технологий за короткий промежуток времени способствует тому, что носители и форматы данных стремительно стареют и становятся нечитаемыми. Эту же тенденцию отмечает А. Донк. По причине изменений, происходящих в коммуникативных и информационных технологиях, человечеству грозит утрата социальной памяти. Если в будущем электронные файлы и письма не будут аннулированы, они станут непонятными для будущих поколений, так как современные технологии и формы коммуникации в высшей степени неустойчивы⁵. Кроме того, из-за постоянного безвозвратного удаления следов повседневной коммуникации (электронных писем, SMS, интенсивной переписки в социальных сетях) возникает проблема сохранения информации. «Музейно-архивная и историографическая индустрия памяти XX века, а также феномен виртуального сетевого пространства (интернет-хранилище) создали условия для беспрецедентного наращивания объемов информации о прошлом»⁶. Так, следствием воздействия современных технологий на социальную память являются переполнение архивов при одновременно растущей запутанности и массивная потеря данных для будущих поколений.

Перейдем к рассмотрению ряда аспектов, свойственных социальной памяти в посткнижной культуре. В современном мире информация является тем ресурсом, обладание которым

становится важнейшим условием для доступа к власти. Поэтому власть, осуществляемая посредством командно-приказной или рекомендательной формы управления, уступает место иному типу, основанному на скрытом манипулировании общественным сознанием, идеологии, латентно воздействующей на мнение, внушении и убеждении. Владение информацией позволяет влиять на социально-коллективную память, что предполагает создание формы скрытого насилия и манипулирование массовым сознанием. «Это проявляется во влиянии на мышление и поступки людей в интересах социальных групп, составляющих властную элиту»⁷. Дозируя и определенным способом подавая информацию, власть формирует общественное сознание, закладывая в него определенные образы, стереотипы, стандарты и подталкивая людей к определенной форме поведения и восприятия действительности. Представление о прошлом можно изменять, воздействуя на памятный ландшафт (или «места памяти») как пространство совместного воспоминания социальной группы. Именно с этой целью и осуществляются установка памятников, проведение массовых культурных мероприятий, фестивалей, переписывание текстов учебников. Так, М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева сделали вывод о конструировании властью нужных представлений о прошлом. Таким образом, власть оказывается вписанной в культурные коды как основные знаковые реалии культуры, удерживающие «в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный мир деятельности и обеспечивающие институты общения»⁸ и влияющие на решения и поведение людей. Реальная власть становится нематериальной. «Культурные сражения суть битвы за власть в информационную эпоху. Власть – как возможность предписывать поведение – содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами, которые соотносят акторов, институты и культурные движения посредством пиктограмм, представителей, интеллектуальных усилителей»⁹. Безусловно, в современном обществе именно социальная память, транслируемая посредством социокода, оказывается тем рычагом, к которому стремится властная элита. В образах прошлого, созданных властью посредством искажения социокультурных и исторических реалий, можно увидеть ее стремление оправдать собственные действия и заострить внимание на том историческом факте, который выгодно отражает действие этой социальной группы. Информация, не связанная с доминирующими интересами властной элиты, преобразуется или вовсе забывается и вычеркивается из памяти социума. Владельцы информации, используя возможности коммуникации и современной информационной техники, создают опасность информационного тоталитаризма. Таким образом, по нашему мнению, социальная память в посткнижной культуре выступает, с одной стороны, своеобразным

конструктом, складывающимся в соответствии с индивидуальными потребностями социального субъекта и его личными предпочтениями, а с другой стороны, она может стать идеологическим конструктом, созданным властной элитой или нанятыми экспертами для воздействия на массовое сознание.

В соответствии с изменениями в современном обществе происходят рассредоточение и децентрализация организации власти, которая распределяется между организациями регионального, местного характера, поэтому огромное значение приобретают *корпорации*, представляющие собой сообщества, объединенные для совместной деятельности политическими, экономическими, социально-культурными, словесными и другими интересами¹⁰. В *посткнижный период* огромное значение приобретают и *транснациональные корпорации*, действующие, в отличие от национальных государств, по иным принципам и формирующие свой тип памяти. Глобализация этносов и их национальной памяти посредством информационных сетей Интернет делает возможным создание сообществ, объединенных не принадлежностью к определенному государству, народу или нации, но исключительно своими личными политическими и культурными предпочтениями, на основе чего возникают виртуальные сообщества. Внутри корпораций складывается своя культура, структуру которой образуют не только система знаний и база данных, необходимые для функционирования корпораций, но и артефакты (например, символика и логотипы корпорации), язык, ценности, ритуалы, традиции¹¹. Корпорации превращаются в социальные институты, относительно которых выстраиваются и формируются идентичность и память входящих в них участников. Они не только несут ответственность за производство своей продукции, но и оказывают влияние на решение сложных социальных проблем. Таким образом, в посткнижной культуре выбор идентичности индивида основывается не на запрограммированных стереотипах, принятых в традиционных и ранних индустриальных обществах, а на потребностях социального субъекта. В условиях посткнижной культуры он вправе выстраивать социальную и историческую идентичность на основе собственного выбора.

Мы считаем, что в посткнижной культуре происходит усложнение пространства социальной памяти: к имеющимся структурам добавляются иные формы «представленности» знаний о прошлом, что приводит к формированию многогранного и нелинейного пространства. Содержание памяти теперь транслируется посредством не только живого, но и виртуального общения. Электронная коммуникация, существующая наряду с другими формами, является не просто каналом передачи информации, но принципиально новым типом взаимодействия, предполагающим интерактивность и непосредственное общение между ее участниками.

Примечания

- ¹ Устьянцев В. Б. Культурно-историческое пространство крупного города: исходные структуры // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего : материалы междунар. науч.-практич. конф. / под ред. проф. Т. П. Фокиной. Саратов, 2003. С. 41
- ² Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 36–45.
- ³ См.: Weber S. Theorien der Medien. Von der Kulturkritik bis zum Konstruktivismus. Konstanz, 2003.
- ⁴ См.: Assmann A. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999. 422 S.
- ⁵ См.: Donk A. Kommunikation über Vergangenheit – Soziales Gedächtnis in kommunikationswissenschaftlicher Perspektive // Konstruktion von Kommunikation in der Mediengesellschaft. Wiesbaden, 2009. S. 13–29.
- ⁶ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград, 2009. С. 191.
- ⁷ Василенко Л. А. Интернет в информатизации государственной службы России (социологические аспекты). М., 2000. С. 229.
- ⁸ Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 39.
- ⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. / под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 502–503.
- ¹⁰ См.: Ковалёв В. Н. Корпоративная культура как фактор развития социальной сферы российского общества // Социальная политика и социология. 2004. № 1. С. 40.
- ¹¹ См.: Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб, 2001. 248 с.